

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 58–67

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 58–67

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-58-67>

EDN: ILFAPN

Научная статья

УДК 32.019.3

Государственная молодежная политика и ценность социальной справедливости в восприятии подрастающего поколения

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

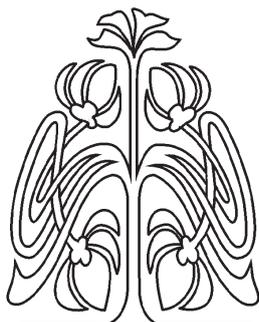
Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье рассмотрена динамика содержательного понимания ценности социальной справедливости различными возрастными группами российской молодежи в результате усилий государственной молодежной политики России в последние годы. Были проанализированы материалы онлайн опросов молодежи (2021 г. – n = 519; 2022 г. – n = 2021; 2023 г. – n = 852; 2024 г. – n = 924), а также результаты ежегодных фокус-групп (7–9 человек) с представителями различных возрастных групп молодого поколения. Сделаны выводы о том, что ценность социальной справедливости продолжает играть базовую роль в мировоззрении и политической культуре современной российской молодежи, выступая в качестве оценочной призмы в восприятии существующего политического режима, ключевых направлений деятельности государства, основных политических и общественных институтов и механизмов. Примерно две трети опрошенных принимают как данность сегодняшнюю политическую систему, доставшуюся им от предшествующих поколений, в политико-правовых рамках которой они реализуют свое личное жизненное устройство. Около трети опрошенных – это сторонники оппозиционных настроений, которые воспринимают политическое устройство современной России как имманентно несправедливое, не отвечающее их идеально-типическим представлениям. Большая часть из них ориентируются на пассивно-оппозиционную модель своего политического участия в рамках правового поля, но примерно 3–5% респондентов готовы к активным, в том числе несанкционированным и радикальным действиям в борьбе за свержение существующего политического режима.

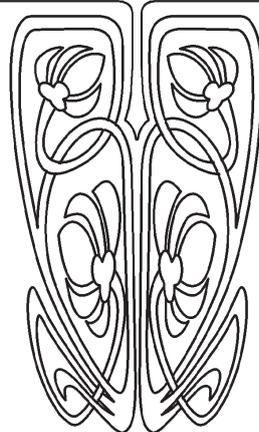
Ключевые слова: государственная молодежная политика, ценность социальной справедливости, политическая культура молодежи, восприятие правильности/неправильности политики молодежью, политическое участие молодежи

Для цитирования: Вилков А. А. Государственная молодежная политика и ценность социальной справедливости в восприятии подрастающего поколения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 58–67. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-58-67>, EDN: ILFAPN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

State youth policy and the value of social justice as perceived by the younger generation

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksandr A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. This article examines dynamics of the substantive understanding of the value of social justice among different age groups of Russian youth as a result of the efforts of state youth policy in Russia in recent years. The study analyzed data from online youth surveys (2021 n = 519; 2022 n = 2021; 2023 n = 852; 2024 n = 924), as well as the results of annual focus groups (7–9 participants) with representatives of various age groups of the younger generation. It is concluded that the value of social justice continues to play a fundamental role in the worldview and political culture of contemporary Russian youth, serving as an evaluative lens for their perception of the current political regime, key areas of government activity, and key political and social institutions and mechanisms. Approximately two-thirds of respondents accept the current political system, inherited from previous generations, as a given, and within the political and legal framework of which they realize their personal life. About a third of respondents support opposition sentiments and perceive political system of contemporary Russia as inherently unfair and not meeting their ideal-typical ideas. Most of them are oriented toward a passive-opposition model of political participation within the legal framework, but approximately 3–5% of respondents are prepared for active, including unauthorized and radical, action in the struggle to overthrow the existing political regime.

Keywords: state youth policy, value of social justice, youth political culture, youth perception of the rightness/wrongness of policy, youth political participation

For citation: Vilkov A. A. State youth policy and the value of social justice as perceived by the younger generation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 58–67 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-1-58-67>, EDN: ILFAPN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема мотивационной функциональности ценности социальной справедливости для российской молодежи является одной из значимых и актуальных. Обусловлено это тем, что данная ценность (и несправедливость как антиценность) выступает своеобразной призмой восприятия базовых социально-политических институтов: семьи, государства, избирательной и партийной систем, политического и социально-экономического устройства страны в целом. В результате именно содержательное понимание социальной справедливости является важнейшим мотивационным фактором характера и направленности политического участия представителей молодого поколения. Это особенно важно в сложные и кризисные периоды, когда оппозиционные настроения молодежи могут стать решающим фактором, определяющим вектор развития страны.

Целью данной статьи является изучение динамики содержательного понимания ценности социальной справедливости различными возрастными группами российской молодежи в результате усилий государственной молодежной политики России в последние годы. Эмпирическую основу статьи составили материалы онлайн-опросов молодежи (2021 г. n = 519; 2022 г. n = 2021; 2023 г. n = 852; 2024 г. n = 924),

а также результаты ежегодных фокус-групп (7–9 чел.) с представителями различных возрастных групп молодого поколения.

Проблема социальной справедливости в политической жизни является одной из самых дискуссионных в рамках различных трактовок в научном дискурсе [см., например: [1–3]]. На протяжении XX столетия наибольшее значение имело идейное противостояние социалистических, либеральных и консервативных трактовок справедливости. Аргументация либерального направления наиболее полно была представлена в вышедшей в 1971 г. книге Д. Ролза «Теория справедливости», которая многократно переиздавалась впоследствии в разных странах [4]¹. Суть этого подхода сводится к тому, что не существует какого-либо конкретного образа жизни, обладающего всеобщей значимостью в качестве повсеместного образца для внедрения и правового оформления в рамках политического и социально-экономического устройства. Либеральное «справедливое общество», по Ролзу, предоставляет каждому индивиду равные возможности для осуществления своей персональной концепции «благой жизни».

Ученик Д. Ролза (а впоследствии и критик) А. Сен акцент делал на том, что невозможно обосновать идеальную институциональную

¹ На русском языке впервые книга была издана в 1995 г.

систему, которая бы удовлетворила все многообразие интересов людей и их представлений о справедливом общественном устройстве. Поэтому исходить нужно из признания несовершенства любой институциональной конструкции и необходимости постоянно осуществлять процесс ее корректировки и регулирования на основе публичной дискуссии. В определенном смысле это напоминает известный тезис идеолога социал-демократического реформизма XIX в. Э. Бернштейна «движение все – конечная цель ничто». По мнению А. Сена, «если требования справедливости можно оценить только при помощи публичного рассуждения и если публичное рассуждение конститутивно для идеи демократии, значит, существует тесная связь между справедливостью и демократией, которые обладают общими понятийными чертами» [5, с. 415]. То есть аргументация справедливости сводится к обоснованию значимости инструментальной ценности демократии, позволяющей обсуждать многообразие интересов граждан на основе реализации высшего блага для человека – его индивидуальной свободы.

Свое политическое развитие данные идеи нашли в концепции полиархии Р. Дала [6], в соответствии с которой различные социальные меньшинства в рамках теории либеральной демократии получили возможность оппозиционной самоорганизации и защиты своих интересов, независимо от политического волеизъявления большинства избирателей. По его мнению, граждане должны «иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства, т.е. отношение, исключающее дискриминацию на почве содержания или источника этих предпочтений» [6, с. 7].

Среди критиков данного подхода можно отметить позицию И. Валлерстайна, который акцент делал на последствиях возрастающего политического и социально-экономического неравенства как ключевых факторах напряженности внутри конкретных обществ и на уровне межгосударственных отношений [7].

Тем не менее, трактовка значимости либерально-демократических ценностей как основы справедливого общественно-политического и социально-экономического устройства лежала в основе идеологического обоснования внешней политики США и их союзников по НАТО в рамках холодной войны. После разрушения СССР и социалистического блока эта либерально-демократическая позиция стала

одним из ключевых аргументов обоснования однополярной архитектуры международных отношений во главе с США. Такая мессианская трактовка роли США – «направлять течение истории в сторону справедливости» – находила и продолжает находить официальное публичное признание в заявлениях ее лидеров, независимо от их партийной принадлежности².

В СССР справедливость политического и социально-экономического устройства обосновывалась отсутствием частной собственности и эксплуататорских классов. Общественная собственность на средства производства и плановая экономика обеспечивали возможность реализации справедливости на основе социального равенства. Государство обеспечивало бесплатный доступ к системам образования и здравоохранения, к общественным фондам потребления, гарантировало трудоустройство и пенсионное обеспечение, регулировало доступные цены на проезд на всех видах общественного транспорта, на товары и услуги повседневного спроса и т.д. Ключевой тезис социализма – «от каждого по способностям – каждому по труду» (хотя официальная цель построения в перспективе коммунистического общества – «от каждого по способностям – каждому по потребностям»). В результате было сформировано общество с относительно небольшими различиями большинства населения в уровне доходов и потребления. В рамках активной внешней политики распространение идей социализма и коммунизма обосновывалось как борьба за «светлое будущее всего человечества».

После распада СССР такое понимание социальной справедливости фактически исчезло из официального дискурса постсоветской России. Более того, в 1990-е гг., по словам певца

² Выступление президента Барака Обамы на выпускной церемонии в военной академии Уэст-Пойнт 28 мая 2014 года. URL: <http://translations.state.gov/st/russian/texttrans/2014/05/20140529300542.html#axzz3WgnRX3v4> (дата обращения: 08.04.2015) ; Трамп назвал войска США «величайшей силой справедливости» в истории мира. URL: <https://360.ru/news/mir/trump-nazval-vojskassha-velichajshej-siloy-spravedlivosti-v-istorii-mira/> (дата обращения: 15.01.2018) ; Байден: «Справедливость должна быть в центре всего, что мы делаем». URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.97bbe7a0-690eeeab-7778d44f-74722d776562/https://rumble.com/vw3n6ubiden-equity-should-be-the-centre-of-all-of-what-we-do.html (дата обращения: 08.11.2025) ; Администрация Трампа «добивается справедливости», но умалчивает о своей роли в процессах глобализации. URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/administracia-trampa-dobivaetsa-spravedlivostino-umalcivaet-o-svoej-roliv-processah-globalizacii/> (дата обращения: 08.11.2025).

И. Талькова, «все, что было аморально, стало не аморально». Представительницы древнейшей профессии (непочтенной во все времена) получили социально значимый статус «путаны»; а рабочие и крестьяне, напротив, получили презрительный статус «совки» и т.д.

Формирование класса «новых русских» подкрепилось идеологическими аргументами либералов о том, что способности человека должны быть подкреплены соответствующим материальным вознаграждением. Поэтому справедливо выделение в обществе элиты, способной стать движущей силой рыночных отношений, научно-технологического, производственного и социального прогресса. Большая часть населения должна была принимать обогащение представителей данной элиты как справедливую плату за их успешность и достижения в различных сферах общественной жизни. С экранов телевизоров ежедневно призывали «не считать деньги в чужом кармане» и не интересоваться источниками их происхождения.

Советское представление народа о справедливости, по словам А. Чубайса в интервью 27 августа 2010 г., было «сломано еще ваучерной приватизацией» [8].

Смягчение диспропорций в материальном благополучии большинства граждан должно было достигаться закреплением в Конституции РФ официального статуса Российского государства как демократического, правового и социального.

Однако либеральная модель справедливого общественного устройства была воспринята населением постсоветской России очень неоднозначно. Негативное отношение к ней вызывает, прежде всего, продолжающаяся существенная диспропорция в доходах, которая не нивелируется в должной степени социальной функциональностью Российского государства. Более того, исследователи отмечают, что «несправедливость в современном российском обществе ассоциируется не только с ростом разрыва между богатыми и бедными, но и с нарушением принципа равной ответственности перед законом» [9, с. 52].

Для большинства населения остаются без ответа оправданные с позиций социальной справедливости вопросы о том, как чиновнику с достаточно скромной зарплатой удастся построить многомиллионный особняк в престижном районе и ездить на самом дорогом лимузине. Их не задают прокуратора и следственный комитет,

а если и задают, то удовлетворяются ответом, что особняк и автомобиль принадлежат папепенсионеру, или гражданской жене, или сыну и т.д., которые заработали их «непосильным трудом» в ходе занятий коммерческой или иной прибыльной деятельностью. Периодические официальные разоблачения в рамках борьбы с коррупцией отдельных представителей различных органов государственной власти лишь подтверждают сформировавшееся мнение большинства граждан о повсеместности несправедливого обогащения чиновников всех уровней.

Особое значение имеет восприятие основных сфер общественной жизни современной России представителями различных возрастных групп молодежи. Обусловлено это тем, что именно их сознание формировалось в период постсоветского доминирования либерально-демократических ценностей в качестве стратегической цели политического и социально-экономического развития страны. Данные ценности составляли основу деятельности всех агентов политической социализации подрастающего поколения, прежде всего в сфере образования и культуры. Ключевой тезис, который в качестве установки внедрялся в массовое сознание, – обоснование важности вхождения России в «демократическое пространство цивилизованной Европы». Не случайно, что после начала СВО России на Украине именно молодежь отреагировала наиболее оппозиционно к действующей российской власти.

В качестве официальной реакции на такую ситуацию руководством страны было заявлено о необходимости кардинальных изменений в стратегии государственной молодежной политики в современной России. Были приняты решения об отказе от Болонского процесса и переходу к суверенизации системы общего и высшего образования РФ, о сохранении и укреплении традиционных ценностей в молодежной среде, о стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 г. и другие документы. В школах была усилена идейно-воспитательная работа, увеличено количество часов на изучение истории России и обществознания, в вузах введена обязательная для всех дисциплина «Основы российской государственности» (ОРГ), в публичном и научном дискурсах инициирована дискуссия о конкретно-исторической специфике формирования и развития Российского государства как «государства-цивилизации» и характера его отношений с обществом.

В совокупности все эти меры привели к определенным позитивным результатам. Их динамику позволили выявить материалы обозначенных выше четырех онлайн-опросов 2021–2024 гг.

Выразить свое восприятие справедливости/несправедливости устройства различных сфер общественной жизни респонденты имели возможность в рамках различных вопросов, в том числе с помощью однокоренного понятия правильное/неправильное. Материалы ежегодных фокус-групп подтвердили, что именно критерий восприятия справедливости/несправедливости политического и социально-экономического устройства современной России является основой для оценок правильности/неправильности конкретных сфер общественной жизни. Более того, именно этот критерий является определяющим и для формулирования представлений респондентов о будущем желаемом устройстве данных сфер общественных отношений.

Выразить свое отношение к важнейшим направлениям деятельности государства в сфере политики, экономики, культуры, обороны, образования в отношении молодежи респонденты могли, выставив оценку от 0 до 5 баллов (где 0 – совершенно неправильное, а 5 баллов – совершенно правильное состояние).

Материалы опросов позволили выявить следующие тенденции. В отношении сферы политики количество позитивных оценок (от 3 до 5 баллов) возросло с 42,0 до 70,5%. Участники фокус-групп в качестве ключевых причин повышения оценок выделили не только усиление воспитательной работы с молодежью в школах и вузах, но и определенные изменения в официальной государственной политике в последние три года в различных сферах общественной жизни (усиление борьбы с коррупцией, расширение социальных функций государства, определенные изменения в информационно-коммуникативных взаимоотношениях власти и общества). Это мнение подтверждают и материалы онлайн-опросов в отношении оценивания респондентами экономической, социальной, культурной, оборонной, образовательной и молодежной политики Российского государства в период СВО. Фактически динамика положительных оценок состояния всех данных сфер общественной жизни идентична оценкам рассмотренной сферы политики. Различия колеблются в пределах двух–трех процентов.

Еще одна тенденция заключается в том, что негативное восприятие существующей политической системы РФ как несправедливой отличается в различных возрастных группах. Наименьшие показатели характерны для младшей возрастной группы (14–17 лет), а наибольшие – для старшей (30–35 лет). На фокус-группах было выявлено, что это обусловлено наличием родительской опеки над школьниками, которая формирует для них определенное «пояс комфорта» и защиты от многих материальных и иных забот и проблем в семье, обществе и мире в целом: для этой группы характерно определенное идеализированное представление о политике, государстве, демократии, основных правах и свободах и т.д. По мере взросления и вхождения в самостоятельную жизнь в рамках трудовой деятельности, создания семьи, заботы о своих детях молодые люди сталкиваются с реальностью и начинают более критично оценивать существующее политическое и социально-экономическое устройство государства и общества. Подобная закономерность отмечается и другими исследователями данной проблемы [10, с. 104].

Проблема справедливости существующего устройства различных сфер общественной жизни раскрывается также посредством экстраполяции их в будущее в качестве формулирования желаемого варианта. Данные о желаемом политическом устройстве России, по материалам опроса 2024 г., представлены на рис. 1.

Как следует из данных рис. 1, количество респондентов, желающих сохранить существующее политическое устройство, достаточно близко к приведенным выше показателям положительных оценок сферы политики. Различие в 7% участники фокус-групп объяснили тем, что те, кто поставили 3 балла, лишь в минимальной степени удовлетворены существующей политической системой и поэтому в качестве желаемого выбрали другой вариант. Примечательно, что, наряду с выбором традиционных демократических форм правления, ежегодно возрастало количество респондентов, видевших перспективу монархического устройства будущей России. Участники фокус-групп объяснили это тем, что часть информантов разочарованы не только существующим политическим режимом в современной России, но и другими формами политического устройства в различных странах.

Рис. 1. Желаемое политическое устройство

Важно также отметить снижение количества сторонников социалистического будущего России до 0,5% опрошенных в 2024 г. В этом отношении возникает определенное противоречие с позиционированием респондентами своей идеологической приверженности (табл. 1).

Таблица 1

Ценности какой идеологии представляются Вам наиболее близкими? (опрос 2024 г.)

Варианты ответов	Количество ответов, %
Социал-демократия	269 (29,3)
Либерализм	243 (26,3)
Ни одна из идеологий	168 (18,2)
Консерватизм	115 (12,4)
Коммунизм	62 (6,7)
Национализм	28 (3,0)
Анархизм	15 (1,6)
Монархизм	4 (0,4)
Другие варианты	7 (0,7)
Затруднились ответить	13 (1,4)
Всего	924 (100,0)

Сторонниками коммунистической идеологии заявили о себе 6,7% опрошенных. Еще 29,3% респондентов позиционировали себя в качестве сторонников социал-демократии. В совокупности более трети опрошенных – это сторонники того или иного варианта «левой» идеологии.

Материалы фокус-групп позволили объяснить это противоречие следующими аргументами. Первый связан с тем, что понятие социалистического устройства многие респонденты связывают с моделью СССР, которая потерпела поражение в холодной войне с коллективным Западом. Второе объяснение заключается в том, что часть информантов видят возможность трансформации существующего политического режима в сторону социал-демократического за счет потенциальных возможностей расширения социальных функций современного Российского государства. Но главное объяснение было выявлено на основе проверки самого понимания сущности той или иной идеологии респондентами и участниками фокус-групп. Оказалось, что подавляющее большинство опрошенных не имеют четкого представления о ценностном и мировоззренческом ядре той идеологии, которую они выбрали в качестве наиболее близкой. Подтверждением тому являются ответы на вопрос о приоритетном значении различных ценностей в будущем политическом устройстве России (табл. 2.).

Ранжированный по приоритетам список ценностей показывает, что социальная справедливость является определяющей для респондентов и подтверждает обоснованный выше тезис о том, что она выступает определенной призмой для оценивания правильности/неправильности устройства всех сфер общественной жизни. Важно отметить, что социальная справедливость входила в тройку приоритетов во всех предыдущих онлайн-опросах.

Таблица 2

Какие ценности, по-Вашему, должны быть наиболее приоритетными в будущем политическом устройстве России? (вопрос многовариантный, нужно было выделить не более пяти)

Варианты ответов	Количество ответов, %
Социальная справедливость	626 (67,9)
Свобода личности	609 (66,1)
Справедливый суд	517 (56,1)
Равенство возможностей в доступе к образованию	476 (51,6)
Равенство возможностей в доступе к медицинскому обслуживанию	426 (46,2)
Свобода слова, печати, собраний	415 (45,0)
Право на доступ к информации	404 (43,8)
Толерантность, терпимость к другим взглядам	389 (42,2)
Патриотизм	385 (41,8)
Неограниченная реализация возможностей личности и их соответствующее материальное вознаграждение	253 (27,4)
Равенство возможностей в доступе к участию в политике	226 (24,5)
Коллективизм	157 (17,0)

Фокус-группы подтвердили, что прямой связи между идеологической приверженностью и оценкой значимости ценностей в будущем политическом устройстве не существует. Например, приоритет свободы личности характерен не только для адептов либерализма, но и для сторонников других идеологий. Обусловлено это, с одной стороны, общемировым трендом признания ведущими политическими партиями, которые продолжают связывать себя с традиционными метаидеологиями, ключевых демократических ценностей и прав и свобод личности. Фактически это привело к размыванию их четких идеологических границ и эклектичному ценностному содержанию партийных программ. Соответственно, это сказывается и на агитационно-пропагандистской работе с молодежью. С другой стороны, для молодежи характерно большее недоверие к существующей партийной системе современной России, чем для других возрастных групп населения. У них нет четких представлений о том, в какой программе ведущих российских политических партий обосновывается движение России к тому политическому и социально-экономическому устройству, которое бы соответствовало их представлению о социальной справедливости.

Более того, у них нет четких представлений о связи между политическим и социаль-

но-экономическим устройством. Не случайно, что онлайн-опрос выявил достаточно большое расхождение желаемого социально-экономического устройства (рис. 2) от рассмотренного выше желаемого политического устройства. Если сохранение политического устройства одобрили в 2024 г. 63,0% опрошенных, то социально-экономического – всего 40,8%. При этом 37,0% респондентов выступили за варианты усиления регулирующей роли государства в данной сфере. Участники фокус-групп объяснили это тем, что отсутствие справедливости в социально-экономическом устройстве современной России воспринимается не на абстрактном уровне, как в сфере политики, а на личностном, затрагивающем вполне конкретные материальные интересы опрошенных. Возможности устранения этих несправедливостей респонденты видели не столько в смене политического устройства страны, сколько в усилении социальной функции существующего государства, расширении его регулирующей роли и в наведении порядка в судебной-правовой и правоприменительной практике по борьбе с коррупцией и экономическими преступлениями.

Еще одна сфера государственно-общественных отношений, которая воспринимается как несправедливая, – этнополитика (табл. 3).

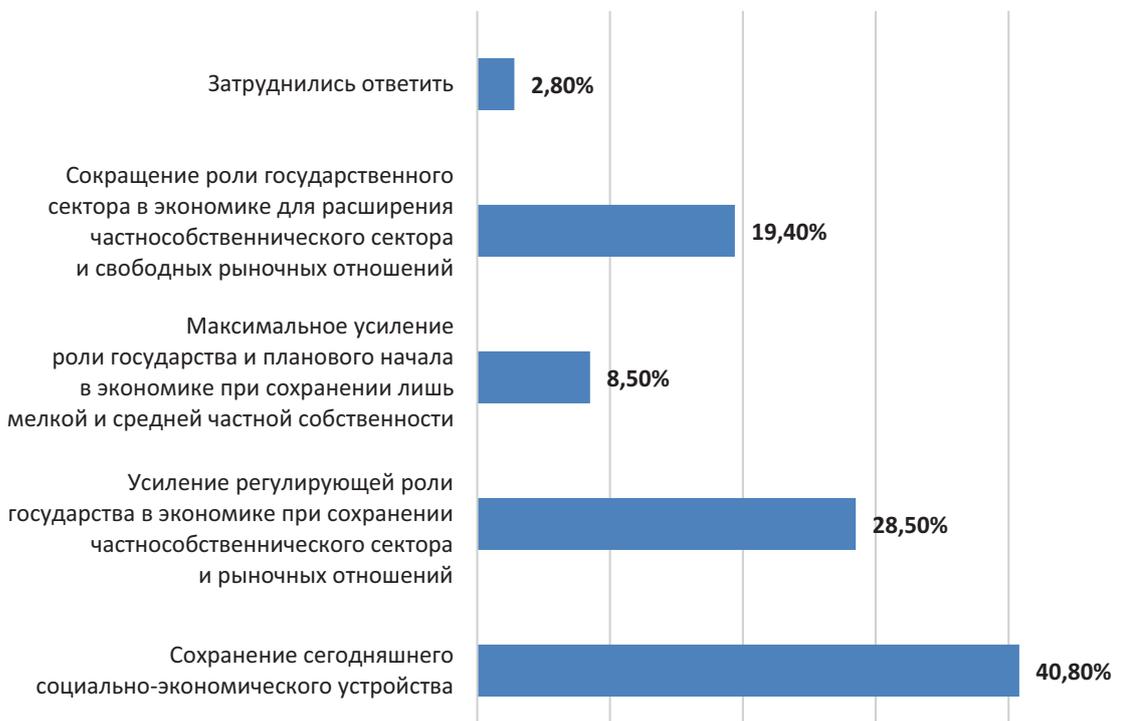

Рис. 2. Желаемое социально-экономическое устройство

Таблица 3

Какой бы Вы хотели видеть в будущем этническую политику в России

Варианты ответов	Количество ответов, %
Сохранение сегодняшней этнополитики	274 (29,7)
Больше внимания уделять формированию единой гражданской российской нации	141 (15,3)
Обеспечение интересов государствообразующего народа	136 (14,7)
Сделать акцент на сохранении языка, культуры и традиций различных народов России	168 (18,2)
Больше внимания уделять соблюдению реального равенства политических, социально-экономических и культурных возможностей представителей различных российских этносов	194 (21,0)
Затруднились ответить	11 (1,1)
Всего	924 (100,0)

Однако характер неудовлетворенности данной сферой общественных отношений носит разнонаправленный характер. На фокус-группах было выявлено, что главные претензии представителей русского населения (к ним отнесли себя 74,7% опрошенных) к данной сфере государственной политики связаны, прежде всего, с последствиями миграционной политики, которая приводит к созданию конфликтных ситуаций по причине нежелания мигрантов уважать культуру и традиции местного населения. Представители различных этнических групп (11,3%) и те, кто затруднились с

определением своей этнической принадлежности (13,7%) акцент делали на сохранении языка и культуры различных народов России. Очевидно, что именно отсутствие понимания молодежью значимости формирования единой гражданской идентичности как основы российской нации стало одной из причин принятия соответствующего Указа Президента РФ³.

³ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024> (дата обращения: 27.11.2025).

Таким образом, проведенный анализ показал, что, несмотря на позитивные сдвиги в государственной молодежной политике последних трех лет, в политической культуре подрастающего поколения остается достаточно большое количество нерешенных проблем. Ценность социальной справедливости продолжает играть базовую роль в мировоззрении и политической культуре современной российской молодежи, выступая в качестве оценочной призмы в восприятии существующего политического режима, ключевых направлений деятельности государства, основных политических и общественных институтов и механизмов. Для нее социальная справедливость имеет особое значение, так как накладывается на «бунтарский дух», который характерен молодежи в силу возрастных характеристик. Поэтому именно молодежь становится главным объектом и предметом целенаправленного информационно-коммуникационного воздействия со стороны врагов России в целях использования протестного потенциала подрастающего поколения для разрушения государства и страны в целом.

Само понятие социальной справедливости в отношении сферы политики тесно связано с морально-нравственными коннотациями в эмоциональном восприятии молодежью различных политических институтов и механизмов, направлений и сфер деятельности государства и общества. Одновременно оно выступает ключевым критерием оценивания по шкале правильное/неправильное, а также определяет уровень доверия/недоверия к данным институтам и практикам их функционирования. Поэтому, например, низкий уровень доверия значительной части молодежи к партийной системе обусловлен не столько их пониманием реальных недостатков конкретных институциональных и идеологических характеристик отечественных партий, сколько эмоциональным неприятием многолетнего доминирования четырех из них. Это доминирование воспринимается как несправедливое и неправильное, достигнутое за счет административных технологий и политико-правовых инструментов целенаправленного ограничения одних партий и поощрения и поддержки других. Это же относится и к избирательной системе и институту выборов, которые воспринимаются критически не по причине их институциональных недостатков, а в результате несправедливого применения «грязных» и «серых» избирательных технологий.

В социально-экономической сфере критерий справедливости/несправедливости носит более осознанный характер. Например, критически воспринимается молодежью не институт частной собственности вообще, а несправедливое обогащение в результате коррупции и финансовых махинаций. Для большинства молодежи (независимо от идеологических предпочтений) характерно восприятие как справедливой возможности свободно использовать интеллектуальные, физические, организационные и иные способности индивида и получать за них большее материальное вознаграждение, чем лишены таких способностей. Но одновременно большинство молодежи осознают несправедливой, например, сложившуюся налоговую систему РФ, при которой фактически не различаются налоговые отчисления наиболее зажиточных и находящихся за чертой бедности. Не случайно, что сложившуюся социально-экономическую систему оценивают как несправедливую в полтора раза большее количество респондентов, чем политическую. Основной вектор исправления этой несправедливости – усиление регулирующей роли государства.

Исследование показало, что у подавляющей части молодежи отсутствует четкое и осознанное представление о справедливом и правильном политическом устройстве в качестве цели своего участия в выборах и политике в целом.

Примерно две трети опрошенных принимают как данность сегодняшнюю политическую систему, доставшуюся им от предшествующих поколений, в политико-правовых рамках которой они реализуют свое личное жизненное устройство. Часть из них (около 20% опрошенных) ориентируются на активистскую модель политического участия и выстраивают свою жизненную траекторию и карьеру на осознанном и целенаправленном использовании возможностей и механизмов существующих государственных и общественных институтов.

Около половины респондентов ориентированы на конформистскую модель своего взаимодействия с государством, в рамках которой они реализуют свою жизнь на основе минимально необходимого участия в политике. Они негативно оценивают недостатки функционирования российских политических институтов и механизмов, но не видят им реальной альтернативы.

Около трети опрошенных – это оппозиционно настроенная молодежь, которая воспринимает политическое устройство современной России как имманентно несправедливое, не отвечающее ее идеально-типическим представлениям. Большая часть из них ориентируются на пассивно-оппозиционную модель своего политического участия в рамках правового поля, но примерно 3–5% респондентов готовы к активным, в том числе и несанкционированным и радикальным действиям в борьбе за свержение существующего политического режима. Доминируют среди них приверженцы либеральной идеологии, а также немногочисленные, но осознанно мотивированные анархисты. Опасность заключается в том, что при определенном внешнем деструктивном воздействии пассивные оппозиционеры также смогут присоединиться к борьбе радикалов против действующей власти.

Как представляется, кардинальное усиление образовательных и воспитательных мер государства и общества в отношении российской молодежи может не сработать без действенной и результативной политики по устранению тех «узких мест» в политическом и социально-экономическом устройстве современной России, которые воспринимаются как несправедливые и неправильные. Без этого невозможно существенно повысить уровень доверия, а также активного и осознанного политического участия большей части российской молодежи в процессах суверенизации всех сфер государственной и общественной жизни современной России.

Список литературы

1. Дадаева Т. М., Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. Социальное самочувствие и социальная справедливость в оценках российской студенческой молодежи: характер взаимосвязи в условиях новых вызовов // Регионоведение. 2025. Т. 33, № 2 (131). С. 294–315. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.294-315>, EDN: VONУП
2. Лебедева Л. Г. К дискуссии о бедности, благосостоянии и справедливости в поколенческом аспекте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2 (74). С. 153–160. https://doi.org/10.52452/18115942_2024_2_153
3. Чебиняева И. Л. Влияние новых глобальных и национальных вызовов на представления молодых россиян о социальной справедливости // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6 (57). С. 96–102. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.96-102>
4. Ролз Д. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича, А. А. Шевченко ; науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 534 с.
5. Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Крапечкина ; науч. ред. пер. В. Софронов, А. Смирнов. М. : Изд-во Института Гайдара ; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 520 с.
6. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с. (Политическая теория).
7. Валлерстайн И. После либерализма : пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М. : Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
8. Авен П., Кох А. «Представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией» (Интервью с Анатолием Чубайсом). URL: <https://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/55203-intervyu-s-anatoliem-chubaisom> / (дата обращения 20.11.2025).
9. Данилова Е. Н. Трансформация социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 2. С. 36–61. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-36-61>, EDN: YWFIRG
10. Воронина Н. С. Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.) // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 95–108. <https://doi.org/10.31857/S0869049922020071>, EDN: EVXLVA

Поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 08.12.2025
The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 08.12.2025